

АЛЕКСАНДР КОВАНОВ

ВЕШКИ

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Александр Кованов

Вешки. Трагедия русской деревни

«Издательские решения»

Кованов А.

Вешки. Трагедия русской деревни / А. Кованов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963901-1

Вешки — собирательный образ русской деревни, прошедшей в XX веке горнило трагических испытаний. Вехи истории огромной страны прокатились по Вешкам этапами созидания и разрушения, общих побед и человеческого горя. Эта книга — о русской деревне и о сильных духом людях.

ISBN 978-5-44-963901-1

© Кованов А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
Вешки	9
Богоборцы, ликбез и продразвёрстка	11
1	11
2	12
3	13
4	16
Вешки вздохнули...	17
Коллективизация	18
Кабала	22
Голодомор	25
1	25
2	27
3	30
Большой террор	32
1	32
2	34
3	36
4	38
5	39
6	44
Перед войной	45
1	45
2	46
Война	48
1	48
2	50
3	52
4	54
5	56
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вешки Трагедия русской деревни

Александр Кованов

Корректор Таня Станчиц

Фотограф Таня Станчиц

© Александр Кованов, 2019

© Таня Станчиц, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-3901-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Вешки...

Наверное, прочитав поэму, житель деревни скажет: «Ух, ты! Как про мою деревню написано. Только название другое...»

Всё может быть.

Вешки – собирательный образ. Может, и было когда-то такое село на необъятных просторах Родины.

Вешки – маленькие вехи огромных исторических событий и потрясений, которые произошли в нашей стране за последние сто лет.

Было такое село. Богатое и шумное.

Было, да сплыло...

Заросло бурьяном и берёзовым подлеском, скрывающим в себе догнивающие срубы домов да остатки печных труб, в которых завывает ветер.

Пусто и дико.

Вон – на пригорке, в высоченной лебеде да лопухах поскрипывают калитки заржавленных оградок деревенского погоста.

Здесь когда-то жило много людей...

Молодёжь уехала в большие города за счастьем. Перекочевали в иные места их родители. Остались, в основном, старики, решившие дожить свои дни там, где веками жили их предки.

Крепкие старики. Кряжистые, как вековые деревья, с огромными мозолистыми руками и взглядом... Взглядом, похожим на тот, с каким взирал когда-то Господь Вседержитель из-под купола храма.

Крепкие и мудрые старики... Соль земли и её первооснова. Краеугольный камень, на котором держалось и держится государство русское из века в век.

Крепкие и трудолюбивые старики... Над которыми государство измывалось и проводило всяческие эксперименты. Благодарило за труд и хлеб, и тут же, нещадно грабило. Потому что у русского крестьянина всегда есть что отнять.

Всепрощающая и многотерпелива русская деревня.

Смотрит она на нас, и ждёт.

Ждёт, когда мы начнём относиться к ней по-человечески – с должным уважением и почтением.

Кованову Федулу Павловичу

Гудко Марко Даниловичу

Ковановой Анне Игнатьевне

Гудко Евфимии Васильевне

Кованову Ивану Федуловичу

Ковановой Марии Марковне

Ковановой Анне Ивановне

Соколову Ивану Никаноровичу

Соколовой (Станчиц) Ольге Андреевне

и всему русскому крестьянству

П О С В Я Щ А Е Т С Я

*Кованов
Александр Николаевич
(февраль 2019 г.)*

Пролог

Храм покосившийся древний
вам не расскажет о том,
как убивали деревню...
...Собственноручно, притом...

Я расскажу вам без спешки,
с чувством глубокой вины,
как неприметные Вешки
вехами нашей страны
стали, пройдя, спотыкаясь,
века двадцатого путь.
Как убивали, не каясь,
истинно русскую суть.

Вешки

Сёла – как сёстры в России:
единокровны земле.
Вечно в мозолях, босые,
хлеб да вода на столе.

Только на праздник престольный
ломаются в хатах столы.
Кабы не звон колокольный,
так бы не вышли из мглы.

Вешки в семнадцатом веке
барин один заложил
там, где сливаются реки...

...Сам он в них толком не жил,
а заезжал за оброком,
да на своих вороных,
порку считая уроком
лучшим для всех крепостных.

Триста дворов, улиц – восемь,
храм Покрова на бугре.
Жителям знамо, что осень —
лучшее время в селе.

Летом – работа, работа...
То сенокос, то пастьба...
С запахом крови и пота
ела хлеба голытьба.

Как только царь Манифестом
сделал свободными всех,
Вешки попёрли, как тесто...
К тем, кто трудился, успех
быстро пришёл... Не скупилась
наша земля за труды...
Если бы, вдруг, не случилось
в мире нежданной беды...

Смута волной покатилась:
свергли царя, и война
следом за этим... Свершилось
то, что пророчили! ...Сна
в избах не стало впомяне —
ждали беду за бедой.

Кровушка в жилушках стынет...
Каждый второй, молодой,
либо калекой вернулся,
либо в окопах пропал...

...Зверь кровожадный проснулся
с тысячей огненных жал...

(октябрь 2017 г. СПб)

Богоборцы, ликбез и продразвёрстка (1918 – 1921 г.г.)

1

А после залпа «Авроры»
люди с умишек сошли:
всё о политике споры
вместо работы вели.

Кто за царя и за веру,
кто-то держал как секрет
тягу к лояльным эсерам...
Но большинство – за Декрет,
землю российским крестьянам
пообещавший навек.

...Слишком доверчив к смутьянам
русский простой человек...

Свято уверовав в чудо,
имя одно, словно клич,
стало знаменiem людям —
ЛЕНИН
ВЛАДИМИР
ИЛЬИЧ.

2

Всё хорошо поначалу
было у нас на селе.
Новая власть размещала
новую весть о земле
в виде «Декрета» повсюду.
А комиссар объяснял
всем обездоленным людям
как документ изменял
в лучшую сторону сразу
жителей Вешек уклад...

Дескать, согласно указу
будет земельный расклад
делаться всем по иному:
поровну землю делить
дали приказ агроному.

...Люди, конечно, хвалить
начали эту затею:
«Вот, красотища-то, брат!
Хватит жалеть богатеев,
нас обобравших стократ!»

...Видел я хмурые лица
тех, кто работать умел
не собираясь делиться
с теми, кто в небо свистел.

Но... Пригрозили наганом,
и припугнули тюрьмой...
Землю отняли для рвани,
что побиралась с сумой
и не хотела ни разу
палец о палец – тук-тук...

– Всё же похерят, заразы!
Им же неведом ни плуг,
ни борона, ни лопата...
Люди! Зачем им надел?!
Правят могилы горбатых!

– Ленин вот так захотел...

3

В осень пришли комиссары
Бога из Вешек изгнать.
Кто не согласен – на нары,
кто недопонял – согнать
к церкви и вместе устроить
здесь показательный суд.

...Батюшка – Тихон Петрович —
проклял на месте иуд,
и был расстрелян в приделе
вместе с детьми и женой...

Красные быстро хотели
веру разрушить. Виной
Богу вменялось, что вера —
опиум прошлых времён.
Значит, и высшая мера
здесь применима! ...И Он,
Бог наш, за нас же распятый,
стал вне закона теперь.
Самой невинной расплатой —
Господа выгнать за дверь
было бы очень уместно,
чтобы людей не винить.

– Было бы знать интересно:
кем нам Его заменить?!

– Кем заменить? А ликбезом!

– Чой-то, скажи-ка, за бес?
Мы не якшаемся с бесом!!!
Тьфу ты, на ентот ликбез!!!

Тут комиссары заржали
так, что звенело стекло
в раме библейской скрижали:
– Вот же ты темень! Село!
Грамота Бога заменит...
Ты, вот, умеешь читать?
Или, по собственной лени,
хочешь как прежде витать
в мраке бесплодного дела?
Где всемогущий твой Спас,
если попа от расстрела

он почему-то не спас?!

Грамота... Это так важно!
Чтобы любой понимал,
чтобы прочувствовал каждый —
есть поважней идеал:
Равенство, Братство, Свобода!
Выбор здесь ясен и прост.
Это важней для народа,
чем одурманивать мозг...

— Мы же веками молились!
Как это — Господа нет?!

— Вы бы сейчас удивились,
если бы с неба ответ
тут же раздался...
Не слы-шу...
Боже, ты там?
Или нет?
Может, и был...
Но весь вышел.
Вот вам, крестьяне, ответ!

После бойцы из отряда
церковь за час разнесли...

Всюду сорвали оклады,
утварь и ткани снесли,
и загрузили обозом,
чтобы отправить в уезд.

...Слышали люди угрозы:
«Если кто двинется с мест —
сразу же пулю схлопочет!
Голову пашка снесёт!
Если Иисус ваш захочет,
может, от смерти спасёт!»

Колокол сбросили наземь.
В кучу иконы снесли
и подожгли...

Не наказан
богоотступник!
В пыли
мироточила икона
Матери Божьей...
Смотри!

Бог на Руси вне закона?!
Нет!
Он остался внутри
каждого сердца живого...
Бог для крестьянства – Отец,
вместе с которым готовы
люди терновый венец
взять и на душу примерить...
Так, чтобы кровь по венцу!

...Разве не могут не верить
дети родному отцу?!

4

Год или два были рады
люди, не ведая зла...
Новая власть с продотрядом
в Вешки однажды пришла.

Всем голодающим люди
были готовы помочь:
«Делимся! С нас не убудет!
Пусть убирается прочь
голод от братьев-рабочих!
Что мы, не люди? Дадим
хлеба и мяса, и прочей
снеди... Даёшь, как один!»

Разве добру протестуют?
...Но продразвёрстки метла
стала мести подчистую
из погребов, со стола.
Чисто мела по амбарам,
и по сусекам скребла...
То, что не отдано даром,
силой закона брала.

Выпив всю водку и брагу,
и покуражившись всласть,
всех несогласных к оврагу
выгнала новая власть.

Сытого, даже отчасти,
разве голодный поймёт?
...Тех,
кто восстал против власти,
вмиг
уравнял пулемёт...

(октябрь 2017 г. + февраль 2019 г. СПб)

Вешки вздохнули... **(1922 – 1927 г.г.)**

После Гражданской зажили
заново Вешки...
С душой...
Раны на сердце зажили...
С чувством и верой большой
люди наделы пахали,
стали село возрождать...

...Только, вот...
Бога отняли...
пообещав благодать
равенства, мира и братства
в новой огромной стране,
распределявшей богатства
всем по труду... По весне
люди сбивались в артели,
вместе хозяйство вели.
По-человечьи хотели
жить на просторах земли...

Щедрой земли на отдачу
тем, кто трудился на ней
сам по себе, не батрача...

...Стало застолье сытней
и накопились запасы...

Люд на селе богател,
став не безликою массой,
именно тем, кем хотел —
нужным Отчизне народом,
крепким кормильцем для всех.
Чтобы затем, год за годом,
множить крестьянский успех.

Поздно, попавши в трясины,
хрупкую слегу корить...

...Понял народ, что с грузином
каши ему не сварить...

(октябрь 2017 г. СПб)

Коллективизация (1927 – 1932 г.г.)

Дело испортить благое —
много не надо ума.
Пахаря сделать изгоем
было желающих тьма...

Кто на земле не трудился,
грыжи сохой не нажил —
тот на добро покусился
тех, кто по правде жил.

Тем, кто на митингах глотки
драл за права бедноты,
стали колхозы находкой
и воплощеньем мечты
как, ничего не имея,
ни за душой, ни в хлеву,
разбогатеть, и сильнее
сделаться враз наяву.

В двадцать седьмом, на XV
съезде решён был вопрос:
«Для трудового крестьянства
лучшее место – колхоз!»

И, как всегда, без условий,
сверху назначен был враг,
в бедах народа виновный —
вор и грабитель – «кулак»!

...И понеслась по просторам
слухов надуманных рябь:
«Бей негодяя и вора!
То, что нагреблено – грабь!»

«Контрой отъявленной» стали
те, кто с дубьём и ружьём
против решения встали,
чтобы стоять на своём.

Контра, не контра? Рассудят.
может, потомки за нас?
Трудолюбивые люди
или грабительский класс?

Те, кто имели хоть что-то —
избу, коров, лошадей —
названы были «оплотом
гнойных кулацких идей».

Их, как и тех, что сражались
за урожай и за скот,
по лагерям не сажали,
а отправляли «в расход».

Евших из глиняных мисок
мясо, ни свет ни заря,
тех, в «подкулачников» список
и, прямиком — в лагеря...

...Грабили сёла нещадно...
По «окладному листу»,
брали картошку и рядно...
...Выдрали доски в мосту,
чтоб не угнали скотину
по хуторам и в тайгу...
...Даже сапог за полтину
не оставляли «врагу»...

Старых и малых сбивали,
словно баранов, и... в путь.
Косо взглянул? Убивали...
...Самую русскую суть,
самую сильную силу...
Без уточнения вины
быстро согнали в могилу
лучших кормильцев страны.

Люди шептались: «Вступайте!
Сами вступайте! Не то
скажут и вам — «прощевайте»...
Вы, дескать, тоже — «никто».

И на собраниях колхозных
власть выбирала во власть
тех бестолковых, бесхозных;
тех, что умеют украсть
вместо того, чтобы с миром
землю родную пахать...
...Петька, вон, стал бригадиром.
То, что алкаш он — начхать!

В Вешках теперь председатель

Тимка Макеев – «Калач».
Люди гутарят: предатель
и дезертир, и палач.
Сам он к германцам метнулся,
сам же своих убивал.

А в 18-м вернулся,
и лошадей воровал,
и продавал их цыганам...
В петлю загнал свою мать...
После припёрся с наганом
хлеб у своих отнимать.

Парочка – Тимка да Петька —
«хлебный» сварганили дом,
хрен отличая от редьки
с очень великим трудом.

Вовремя сеять не стали —
высохло в поле зерно.
...Щурился с карточки Сталин,
словно кричал им: «Г..но!»

Ферма, что начали строить,
в зиму сгорела дотла...
...Кроет Тимошенька, кроет
матом Петрушу-«козла»...

Сено осталось в покосах,
грянули скоро дожди.
Копны подгнившие в осень
только свезли... Впереди —
зимние стужа и вьюга,
а у начальства – кутёж.
...Начал косить всю округу
полуголодный падёж...

Вскоре приехал на «эмке»
к нам из губернии «зам»...
...Петьку поставили к «стенке».
Тимка повесился сам.

Стал председателем «пришлый»
из городских... Приказал
вспять поворачивать дышло,
всех на кукан нанизал.

Зорко следил, чтобы люди
в поле, с темна до темна,

вместе корячились... «Будет
с хлебом родная страна!»

Люди галдят: «По приказу
в поле хлеба не взойдут!»
Он им: «На вас-то, заразы,
быстро управу найдут!
Пообленились, заразы!
Сталин вам, что – не указ?!»

...Но громогласьем приказа
он, к сожалению, не спас
Вешки от голодомора
в тридцать втором... Не сумел...
Сам же расстрелян был скоро —
плюнуть в Наркома посмел...

(октябрь 2017 г. СПб)

Кабала (1932 г.)

План на озимые дали
больше в два раза, чем был.
Вешки тихонько роптали:

«Уж-то, нас Бог позабыл,
что насылает нам муки?
Что нам, подохнуть совсем?
Где же отыщутся руки,
чтобы осилить посев?

Вся молодёжь разбежалась
в город за лучшей судьбой...
Самая малость осталась
тех, кто в работе любой
может себя со сноровкой
нужной всегда проявить —
сладить с конём и коровкой,
сноп, так как надобно, свить.

Уж-то, там, сверху, не знают
то, что гутарит народ?
В будущий год выпадает
снова к беде поворот.
Бабки по верным приметам
определили – грядёт...
Нет!
Не скончание света!
Голод и мор...
Недород...»

Но исполкомовец Раскин
дал однозначный ответ:
«Всё это – бабкины сказки.
Бога, товарищи, нет!
А, что касаясь беглых,
тех, кто покинул село —
всех возвернём...
И оседлость
правилом, беглым назло,
станет законом железным:
Паспорт имеешь? Живи
в городе...
Будешь полезным?

То и к тебе —
по любви...

Стало быть, сельскому люду
паспорт не нужен совсем.
Беглых в деревне не будет!
Ясно, товарищи, всем?»

Ропотом площадь накрыло:
«Что ж так, крестьян-то родных?
И при царе так же было...
Что мы, опять в «крепостных»?
Как же нам в гости?
В больницу?
Как нам на рынок попасть?
Даже во сне не приснится
то, что придумала власть...»

«Дело решаемо, братцы!» —
Раскин прикрикнул в ответ —
«Надо на рынок собраться?
Сразу ступай в сельсовет,
и получай по закону
справку с печатью о том,
что ты отпущен из дому,
и возвращаешься в дом».

«Раскин! Ответь для проформы,
или ступай себе на...
Трижды нам подняли нормы
по госзакупкам зерна!» —
выкрикнул кто-то, скрываясь
где-то в серёдке толпы —
«Я вон, пашу, надрываясь.
Баба, вон, вяжет снопы...

Как же нам выполнить этот,
трижды завышенный план?!
...Или опять от Советов —
кукиш, брехня и обман?!
Вновь подразвёрстка? Ответь-ка!
Снова придёт продотряд
и, как при Тимке и Петьке,
будет нас драть всех подряд?!»

«Кто это свару затеял?!
Кто это воду мутит?!
Кто там, о шкуре радея,
прячась за спины, вопит?!» —

Раскин, скрипя желваками,
взглядом буравит народ —
«Снова от вас «кулаками»
и «подкулачником» прёт?!»

Глякось, как распетушился!
Нас на «ура» не возмёшь!» —
выкрикнуть кто-то решился —
«Что ж, ты никак не поймёшь,
что не осилить нам плана.
Нету в запасе семян!
Или рождён ты по-пьяни,
или же, попросту, пьян?

Или ты, Раскин, зараза,
ночь перепутал и свет?
Хлеб не растёт по приказу!!!
Вот тебе Вешек ответ...»

(октябрь 2017 г. СПб)

Голодомор (1932 – 1933 г.г.)

1

В осень дожди зарядили...
Сеяли в грязь, как могли.
Люди по полю ходили
в жиже, не чуя земли.

А в октябре потеплело,
словно по-летнему, вновь...
Вырвалось, зазеленело
всё, что посеяли... В кровь
были истоптаны ноги...
Вешки свалил ревматизм...

Люди, конечно, не боги
но, проявив героизм,
сами решили засеять
землю зерном яровым...
...Чтобы жила мать-Расея
хлебушком не дармовым...

Сделали доброе дело —
тут же ударил мороз.
Всё, что взошло – почернело...
...Люди жалели до слёз
то, что зазря погубили,
следуя воле ЦК,
столько зерна... Подрубили
власти тогда мужика
тем, что, не зная порядка,
гнали скорее пахать...
Сеять? Лишь по разнарядке...
А на природу – начхать!

Снега почти не видали
этой зимою поля...
Люди почти что рыдали —
мёрзнет родная земля
вместе с зерном, что весною
было б залогом того,
что им не станет виною
самоуправство... Его

больше всего и боялись...
Раскин узнает – каюк!
И, однозначно, не жалясь,
быстро отправит на юг...
Нет!
Не России...
Таймыра!
Заступ вострить в мерзлоте...
...Даже лихие задиры
разом заткнулись... А те,
кто против воли района
сеял весенний запас,
дома сундук похоронный
перебирали не раз...

2

Влаги полям не хватило.
Всюду проплешины прут
там, где зерно не всходило.
...Попусту траченный труд
стал основанием чётким
органам НКВД —
Вешки принять в разработку
по саботажу... Везде,
в каждой избе и сарае
шорох такой навели...
...Дескать, крестьяне скрывают
хлеб у себя... Как могли
люди, спасаясь, бежали —
кто в города, кто в леса.
Тех, кто остался, прижали
так, что полезли глаза...

Тридцать расстрелянных... Сорок —
на эшелон, и в КарЛАГ.
...И, никаких оговорок!
Всех припечатали – «враг»!

На яровые прислали
в Вешки худое зерно...
Где его, черти, держали?
Было подгнившим оно...
Сеяли и матерились
в поле тогда мужики:
«Всё! До портков разорились!
Всё! Ни кормов, ни муки!»

Засуха грянула разом...
Пекло такое пришло —
хуже чумы и проказы...
...Словно всемирное зло
вырвалось скопом из ада...

«Где Ты, Господь? Отзовись!
Дождика! Дождика надо!
Господи, Боже, явись
и пожалей нас, убогих,
сгорбленных в тяжком труде...
...И позабывших о Боге
в этой неожиданной беде...
Господи! Ты ж, милосерден!

Видишь страданье людей!
Сохнут и небо, и тверди...
Дай же нам, Боже, дождей!»

...Небо немое молчало,
солнце палило хлеба...
Это и стало началом
голода... «Видно судьба
нам подышать... А, селяне?» —
люди потихоньку ворчит —
«Кто нас схоронит? Помянет?
Что же, район-то, молчит?»

Но не явилась подмога
к жителям Вешек тогда...
Ни от уснувшего Бога,
ни от властей... А беда,
знамо, одна не приходит —
люди не зря говорят.
Был уж октябрь на исходе...
В Вешки пришёл продотряд
в сопровождении роты
вооружённых солдат.

... Остановили работы,
и предъявили мандат:
«Каждому жителю Вешек
сдать по три пуда зерна!»

Всем... Невинным и грешным,
стало быть, братцы, хана!

Люди кричали: «Побойтесь
Бога! Откуда зерно?
Надо – ищите и ройтесь!
Но не найти все равно
вам трёхпудовых запасов
ни в закромах, ни внутри
брюха... Народные массы
все истощали... Смотри!»

Тщательно, долго искали,
но ничего не нашли...
А, как устали фискалить,
в ход кулачищи пошли,
и сапоги, и приклады,
и матюги заодно:
«Где же вы прячете, гады,
мать вашу, это зерно,

что продотрядцам умелым
сроду его не сыскать?

По уголовному делу,
всех – под статью, вашу мать!»
И, как урок, для острастки,
чтоб дурака не валял
больше народ, лично Раскин
в гневе троих расстрелял.

3

Все поначалу бодрились,
думали: «Сладим с бедой!»

...за зиму съесть умудрились
всё, что казалось едой:
клей, ремешки, и коренья,
что накопили, траву...

...к Сретенью вспухла деревня...

...и побрела наяву
бледная Смерть по подворьям
и просторам земли...

...и на погост, на угорье
полупокойники шли...

...шли, и ложились к могилам —
головы к предкам склонить...

У голодающих силы
не было, чтоб хоронить
тех, кто сподобился Богу
душу тихонько отдать...

«Сколько же ждать нам подмогу?
Сколько ещё голодать?»

Голос народного стона
весь воедино собрал
Шолохов... С тихого Дона
Сталину лично писал.

Сталин ответил: «Напрасно
вы так волнуетесь. Там
голода нет. Всё прекрасно.
Меры приняв по местам,
мы разберёмся сурово
с теми, кто слух распустил...
Будьте, товарищ, здоровы!
Добрых свершений и сил»

Тех, кто нашёл хоть немного
в поле худых колосков,
Раскин наказывал строго.

А приговор был таков:
«Три колоска? На три года
трудлагерей по суду».
...Так «помогали» народу
в эту лихую беду...

Беглых ловили повсюду
и, по этапу – в КарЛАГ.
Сколько погублено люду
к тридцать четвёртому... Враг,
к нам приходивший с войною,
столько за раз не губил...

...Что сотворил со странюю
тот, кто людей не любил —
стало огромным секретом
века двадцатого... Но...
Но перед Богом ответа
не избежать все равно
ни палачам безымянным,
ни палачу-усачу
с бандой его окаянной...

...Плачу...
Молюсь и молчу...

Сгублено голодомором
ради высоких идей
этой проклятою сворой
семь миллионов людей...

Волей «отца всех народов»
(чтоб ему в пекле гореть!),
Вешки в голодные годы
вымерли разом на треть...

(октябрь 2017 г. СПб)

Большой террор (1935 – 1939 г.г.)

1

Так, на подорванной вере,
Вешки воскресли... Село
выжило, по крайней мере,
и не пропало... Смогло
заново силой собраться,
как и бывало всегда...

Где ж мужику расслабляться?
Пахота, сев и страда —
Троица жизни крестьянской,
голод — двоюродный брат...

Вешкам, как помощь, германский
трактор прислали... Не рад
был только мёртвый, пожалуй,
этой машине в селе.
...Так грохотал, что дрожало
самое сердце в Земле...

Улицы Вешек одели
в праздничный яркий кумач.
На колокольню воздели
«символ» — сусальный калач.

Двинул на митинге Раскин
речь о совместном труде,
жизнь превращающем в сказку
с техникой новой везде.
Что заживётся крестьянам
в индустриальной стране
весело, сыто и пьяно,
будто бы в сказочном сне.

Будут машины работать:
землю пахать и доить.
Смогут рубаху заштопать,
и молоком напоить
малых детей в колыбели...
Бороды даже побрить!
Что это всё, в самом деле,

Сталин сумеет внедрить.

Бабки шептались: «Народу
Сталин в беде не помог...
Это не сбудется сроду!
Снова надуть под шумок,
видимо, тужится Раскин...
Только старается зря...
Мы разуверились в сказках.
В тех, где восходит заря
светлых времён над Отчизной,
мачехой ставшей для масс...
Нет! Не бывать коммунизму!
А, если... То не для нас...»

2

Киров убит... И в народе
снова волнение и страх:
«Только наладилось, вроде
жизнь на колхозных паях...»

Вновь надоедливый Раскин
стал на собраниях села
петь об «особой окраске»
нового, страшного зла.
Дескать, троцкистские гады,
скрывшись под ликом «своих»,
сеют раздор... Значит, надо
быстренько выявить их.

И, как на грех, среди люда,
что испокон проживал
здесь... отыскались «иуды»
(помнил бы, точно б назвал
всех поимённо... но время
стёрло, увы, имена...) —
подлое, гнусное племя...
Тех, кого наша страна
много и часто рожала,
как незаконный приплод...

...На поводке их держала
власть, как надёжный оплот —
бывших всегда наготове
выразить гнев, осудить,
чтоб на законной основе,
в лагерь «врага» засадить.

«Правда» писала, что Сталин
был недоволен весьма
тем, что «двурушники» стали
сеять в народных умах
мысли негодные, вражьи,
вредные новому дню.
И, что обязан их каждый
уничтожать на корню.

Чтоб изничтожить прослойки
новых идейных врагов,
он «чрезвычайные тройки»,
первым из важных шагов,

сделал для чистки от скверны,
корни пустившей везде...
С помощью славных и верных
органов НКВД.

И становился суровой
каждый кремлёвский указ...
Это, для жаждущих крови,
стало командой: «Фас!»

И понеслось... Без разбора...
Всех, кто виновен и прав,
грызла голодная свора,
честь и законы поправ.

3

Осенью тридцать седьмого
горе до Вешек дошло.
Ниткою тракта прямого,
к людям нагрянуло зло...

С виду-то, парень как парень,
много таких наяву.
В кожанке новенькой – Харин —
«опер» из ОГПУ.

Молод, красив и подтянут,
выбрит всегда и холён.
Образ, который обманет
с первого взгляда... Силён!
Мышцы под формой играют,
ладно ушитой... Идёт,
девки вокруг обмирают...
Бровью слегка поведёт,
зыркнет на них, улыбнётся,
ручкой поманит – «Иди!» —
девичье сердце взметнётся
птицей крылатой в груди...

Только вот, этот красавец,
как тут душой не криви,
стал палачом... Он, мерзавец,
Вешки утопит в крови
и наведёт в них порядок
крепкой рукою... Держись!
...В самой серёдке Ада
легче покажется жизнь...

...Видимо, этого парня
дьявол в кармане таскал...
Тут же он в книге амбарной
«скрытую контру» сыскал:
Рыков, Зиновьев, Бухарин —
трое простых мужиков...
...Только увидел в них Харин
веточки от корешков
чёрной, троцкистской заразы...
Тут же их в список занёс,
и поутру, по приказу,
их привели на допрос.

Каждый был накрепко связан.
Харин пытался узнать
правду о родственных связях —
может, отец или мать,
или двоюродный дядька
«контрам московским» родня?
...Тихо допрашивал, гладко
первую треть ото дня...

Что мужики бормотали?
Дали ли нужный ответ?
Или молчаньем достали?
...Вытащил Харин кастет,
чтоб убедить поскорее
их подписать протокол...
Может, мозги просветлеют?
...Только случился прокол —
Не сознавались, заразы,
в родственных связях с «врагом»!
...Рыкову зубы, все сразу,
выбил палач сапогом.
И, призывая к ответу,
двух мужиков молодых
бил он кастетом...
Кастетом —
в голову,
в рёбра,
под дых...

Сутки прошли? Или двое?
Время утратило ход...
Всё подписали... Все трое...
Этой же ночью «в расход»
были отправлены сразу.
...Харин народу сказал:
«Долго скрывались, заразы!
Но я вину доказал!»

4

Помнится, нынешним летом
восемь мальчишек-ЗК
к нам возвратились... К ответу
их привлекли по УК
за колоски, что собрали
в поле они матерям...
А по закону – украли!
Суд пригвоздил к лагерям.

Сроки мальчишки отбыли.
Каждый своё отмотал.
Видно, вину искупили...
...Харин иначе считал...

Обыск провёл так, «как надо»,
даже на крышу залез.
Сам же подкинул для «гадов»
пачку листовок, обрез,
два револьвера и чистый,
штампом заверенный, лист
справки на выезд... И быстро
Харин клеймо «террорист»
каждому в дело впечатал...

«Тройки» недолг был суд,
и приговорец с печатью...

...Мамки уже не спасут
тех восьмерых, что старались
семьи от смерти спасти,
взяв колоски... Упирались,
и не хотели идти
дети в расстрельную яму.
Но, под штыками пошли...
Людям кричали упрямо:
«Что ж это?! Крайних нашли?!
Это не наше! Смотрите,
как «доказуху» нарыл
Харин...» ...Истошные крики
залп из винтовок накрыл...

5

Снова пришла директива:
«Нужно привлечь бедняков
и, создавая активы,
выявить сеть кулаков,
что расплодились в колхозной
нашей, советской среде.
Всех их, пока что не поздно,
быстро искать и везде.

И наказать их сурово,
и на корню разорить
«гнезда осиные»... С кровью,
вытравив их, подарить
радость свободы народу,
радость победы – ЦК.
Чтоб не бывало уродов
в наших колхозах, рука
бить их должна беспощадно,
не предавая земле!
...Чтобы светло и отраднo
людям жилось на селе...»

Слышал я, бабки судачат
(наш-то народец речист):
«Первым попал под раздачу
первый в селе тракторист —
Фрол Тимофеев... Трудяга,
коих немало в селе...
Первым, под ленинским стягом,
он проложил по земле
первую борозду в поле,
первым закончил страду...
...Трудолюбивее боле
вряд ли в селе я найду...»

За трудовые успехи
орден вручили в Кремле...
...Это не стало помехой
Харину, навеселе,
вызвать его к сельсовету,
и принародно спросить:
«Как умудрился ты, это,
крышу железом накрыть?
Дом пятикомнатный... Ладный...
Деньги откуда, подлец?»

Фрол отвечает: «Да, ладно,
уж то тебе, молодец,
люди ещё не сказали,
что мне, впридачу, в Кремле
премию крупную дали...
Вот и стоит на земле
домик мой новый... Завидно?
Я-то, работал, а ты...»

...Харину стало обидно...

И «комитет бедноты»
тут же признал тракториста
вором, который влеком
жадностью... Был активистом —
сделался, вдруг, «кулаком»...

Фрола держали в подвале
ровно неделю... К нему
новых и новых сажали
односельчан... Не пойму,
как исхитрялся увидеть
Харин в крестьянах врага?
Как умудрялся предвидеть,
через четыре шага,
что, дескать, этот колхозник,
вроде, ещё не «кулак»,
станет им, рано иль поздно...
Значит его, если так,
нужно немедленно, сразу
так давануть, чтоб пищал.
Чтобы кулацкой заразой
добрых людей не смущал...

Утро холодное... Осень...
Лишь горизонт посерел,
Фрола, и с ним — двадцать восемь
односельчан, на расстрел
вывели. И под конвоем,
к яме погнали, в лесок...
Бабы царапали с воем
сопровождавших бойцов,
в ноги бросались, кричали,
что невиновны мужья...
Тут же ответ получали
в душу — прикладом ружья...

Кратко, спокойно и чётко

Харин прочёл приговор
и приказал, чтобы тётки
встали вон там – на бугор.

Быстро прошёлся вдоль строя,
веточку поднял с земли,
выпятил грудь и, героем,
сухо скомандовал: «Пли!»

...Бабы просили: «Позволь нам
наших мужей схоронить...»
Он им ответил: «Довольно
будет землёй их прикрыть
там же, на месте расстрела.
Так – по закону! А то,
быстро сварганю я дело,
если задумает кто
выкрасть расстрелянных гадов,
и втихаря закопать...
Надо, товарищи, надо!
Надо закон соблюдать!»

Вечером бабы кидали
землю лопатами вниз...
Солоно-горько рыдали...
Видят – живой тракторист!
Чиркнула пуля, залился
кровью висок... С головой —
полный порядок! Дивился,
Фролушка сам, что живой...

Харин в людей, для контроля,
всё же забыл пострелять...
Спрятали бабоньки Фрола
так, что его не сыскать!

С ним – Никодима. Он тоже
выжил, хотя был тяжёл...
«К Сталину необходимо» —
как-то поведал им Фрол —
«К Сталину надо! Иначе
Харин угробит село!
Сталин же вождь! Это значит,
примет героя, и зло
будет наказано свыше...
И не сносить головы
Харину...» Молвил, и вышел
правду искать...
До Москвы...

Люди потом говорили,
что до Кремля он дошёл.
Там мужика накормили.
Жалобу принял на стол —
что вы?
Не Сталин!
Куда там!
Наши ли беды видны...? —
принял к себе делегата
староста нашей страны...

...Выслушав Фрола, Калинин
долго рассказывал сам
о продвижении линий
партии к нашим умам.
И сожалел: «Перегибы
место имеют в селе...
Вы, как крестьянин, могли бы
нам помогать на земле
строить открыто и честно
новую жизнь для людей...
Харина сразу на место
вместе поставим... Идей
много у власти, так скажем...
Нужно их все воплощать!
Харина крепко накажем!
Это могу обещать!»

Вышел Калинин... И тут же
четверо в штатском вошли:
«Вас приглашает на ужин
Сталин... Вставай, и пошли...»
Фрол растерялся: «Да, как же...
Мне тут, Калинин сказал...»
«Быстренько», – вымолвил старший —
«Сталин позвать приказал...»
...Фрол торопился, и топал
быстро, не чувствуя ног,
но, бедолага, прохлопал —
ждал у ворот «воронок»...
Быстро его отрубили
мощным ударом в висок...

...А на Лубянке добили...
Вывезли ночью в лесок,
и прикопали... И скоро
вышел в газетах отчёт:
«Взяли бандита и вора.

Только один недочёт —
«враг» был убит... Он готовил
крупный теракт под Москвой.
Выстрел его успокоил...
...Сталин, конечно, живой!

6

Харин среди коммунистов
всё ж умудрился найти
восемь врагов (из троцкистов),
сбившихся как-то с пути
к светлой победе народа
над вековечным врагом.

...Харин сумел за полгода
триста заявок в губком
на утверждение отправить,
чтоб разрешили ему
в Вешках ошибки исправить...

Дескать, ему самому
было на месте виднее
(мало ль, что люди плетут...):
кто, так как надо «краснеет»,
кто притворяется тут...

Чтобы с бедой разобраться
группу прислал исполком.
...Харин попробовал драться
но, получив кулаком,
кровью своей захлебнулся
и до расстрела лежал,
как полумёртвый... Загнулся
ленинский в нём идеал...

После расстрела Ежова
Харин куда-то исчез...
Словно и нету такого...
...Может, спрятался в лес?
Может, в Сибири сховался,
будто бы он не причём...

...Только для Вешек остался
он навсегда ПАЛАЧОМ...

(октябрь 2017 г. СПб)

Перед войной (1939 – 1941 г.г.)

1

Русский народ всепрощающ...

Битый веками не раз,
лишь на словах обещаая,
вышибить оба за глаз,
он примирялся с князьями,
сызнова верил царю...
...И, не смотря на изъяны,
молвил «добро!» Октябрю,
что продержался у власти
двадцать два года уже...

...Робко надеясь на счастье,
люди к колхозной меже
стали тихонько тулиться,
словно увидели свет,
что непременно пролиться
должен был... Кровушкой лет
залито было немало...
Столько стерпеть – не дай, Бог!

Русское сердце устало
больше бояться... Урок
был непомерно жестоким,
выдрав с корнями нутро
жизни крестьянской... Истоком
всё же осталось добро
и милосердие, с верой
В Бога, которого нет,
вроде бы... Новою мерой,
новой надеждой на свет
стало отсутствие в Вешках
голода, страха и слёз...

...И порешили, без спешки,
справить добротный колхоз.

2

Видно, услышал Создатель
всё-таки просьбы людей:
новый пришёл председатель,
с целой охапкой идей.

Сам – от сохи... Понимая,
что и к чему на земле,
главный вопрос поднимает:
«Технике – быть на селе!»

Криком кричал на морозе
в тридцать девятом году:
«Будет и трактор в колхозе!
Я и комбайны найду,
если сумеем мы дружно
выполнить план посевной!
Нужно, товарищи! Нужно!
Нету задачи иной,
чем отработать не меньше
четырёхсот трудодней!
Чтобы не гробить в дальнейшем
наших колхозных коней...»

Сдюжили вместе... Сумели
выполнить план годовой!
...С мёртвой сдвигается мели
(если радеть с головой)
дело любое на свете...
Наш-то, смекалист народ:
там, где не справится ветер —
силой единой берёт.

А через год, как и ждали,
в Вешки добрался прогресс...
Чудо чудес увидали
люди тогда – МТС!
Семь тракторов! Прицепные
сеялки-веялки к ним,
и причиндалы иные...
«Люди! Неужто, не спим?!»

...Эх! Закипела б работа...
Где уж, теперь-то, до сна?

...Если б не выкрикнул кто-то

страшное слово – «Война!»

(ноябрь 2017 г. СПб)

Война (1941 – 1945 г.г.)

1

...Слушал тревожные сводки
каждые сутки народ.
Слушал... И выдох короткий:
«Быстро, паскудина, прёт...»

Школьный учитель флажками
карту истыкал совсем...
«Скоро столкнёмся с врагами...» —
он, недвусмысленно, всем,
тыча указкой в бумагу,
линию фронта чертил...
«Мы ведь проявим отвагу?
Хватит у вешкинцев сил?»

Утром собрал председатель
односельчан у реки:
«Двигается к нам неприятель...
Нам отставать не с руки,
если на битву поднялся
славный советский народ!

В первых рядах записался
я в добровольцы... Но вот,
тут же в райкоме сказали —
«бронь» на тебя! Вот те, на!!!
Как по рукам повязали...
Что ж вы творите?! Война!!!
...Даже и слушать не стали,
и возвернули в межу...
То, что приказывал Сталин,
я вам сейчас расскажу...

Всем мужикам, кто умеет
крепко винтовку держать,
кто отступить не посмеет,
кто не посмеет бежать,
нужно, в течение суток
вещи собрать, и – в район!
Там же, из Вешек и Уток,
вмиг соберут батальон.

Всем остальным! Как солдатам,
только в частях тыловых,
не разбегаться по хатам,
а воевать за троих!
Здесь! На колхозных наделах,
где ни к чему динамит!
Сделаем общее дело —
враг будет скоро разбит!»

2

Нонче рыдала гармошка
у сельсовета... В дверях
сел одноногий Тимошка,
пел про бессмертный «Варяг».
Всем, уходящим в дорогу,
так, как когда-то себе —
«Смело, товарищи, в ногу.
Духом окрепнем в борьбе...»

Бабы рыдали и выли,
висли на мужних руках...
Бабы ещё не забыли
музыку эту и страх.
Страх, что забился в комочек
где-то под сердцем, и ждёт:
«Может, мой муж... Мой сыночек
живеньким с фронта придёт?»

Те, кто остался, не знали
продыху ночью и днём...
Всё, что имели – спасали,
чтобы фашисты с огнём
в полдень сыскать не сумели...
Чтоб не досталось врагу
в речке – ни брода, ни мели,
и ни травинки в стогу.

Трактор укрыли в овраге
вместе с горючим... Да так,
что рядом с ним, в полушаге,
не догадается враг.

Бороны, плуг и запчасти —
всё за болото свезли.
Хлеб семенной, хоть отчасти,
спрятали в лоно земли,
сделав подземные схроны
в высохшем русле реки...
...Вешкам не будет урона!
То-то, дают мужики!

Фронт приближался... Всё чаще
красился кровью закат...
Наших солдат, отходящих,
звал председатель в отряд,

что собирал понемногу
в дальнем лесу, средь болот.
Там, вдалеке от дороги
строился крепкий оплот.

Бабы землянки копали,
дети пилили дрова.
Люди не ели, не спали,
ноги таскали едва,
лишь бы успеть до прихода
немцев в родные края...

...Воля крепка у народа...

Зная, что насмерть стоять
всем им придётся на этой
пяди родимой земли,
люди не видели света —
делали всё, что могли...

3

В августе, пыльным просёлком,
немцы явились и к нам...
Рота солдат...
На двуколке
ехал один капитан
с тросточкой...
Видимо, всё же,
русская пуля врага
цапнула... Да не по коже,
коли не гнулась нога.

С ним – переводчик. Пытаясь
что-то по-русски сказать,
он голосил: «Собирайась!
Всем сельсоветен собрайт!
Бистро! Шнель, русише швайне!
Бистро! Кому говорьят!
К вам обращайтесь капитанен!
Всрослий и киндер не прят!»

В воздух стреляя, солдаты,
всех выгоняли во двор...
Люди-то, к лесу... Куда там!
Тут же стреляли в упор!
Гнали, как скот, окружая
цепью, толкая вперёд...
Лаем своим угрожая,
гнали на площадь народ...

Долго картавил с двуколки
что-то в народ капитан.
Был переводчик... А толку?
Блеял за ним как баран.

Вызвался школьный учитель
быть переводчиком... Он
выдавил: «...Освободитель,
люди, нагрянул к нам в дом.
Вот, по словам капитана,
немцы гуляют в Кремле.
Только мне кажется странным —
где, Левитан-то? В земле?
Только сегодня я слушал
сводку в двенадцать часов!
Что вы развесили уши,

слушая наших врагов?
Вот, говорит он, что Сталин
тайно бежал из Москвы...
Что ж вы, товарищи, встали?
Или поверили вы
в бредни фашистского гада?
Вот, говорит он сейчас
то, что теперь Ленинграда
больше не будет у нас?»

А переводчик, зараза,
понял... И стал лопотать,
путая смысл и фразы,
всё капитану... Тот встать
было хотел... Но фашиста
рана, видать, подвела...
Он завизжал: «Коммунистен!
Шиссен, зольдатен! Алярм!»

Падая наземь, учитель,
Выкрикнуть всё-таки смог:
«Русский – всегда победитель!
С нами! Не с немцами Бог...»

...И, в назидание людям,
был он повешен... Зачем?!
...Словно боялись, что будет
мёртвый рассказывать всем,
что непременно победой
кончится эта война...

Кто бы об этом поведал?
...Разве, кукушка одна?

4

Несколько месяцев к ряду
вешкинцы строили склад
артиллерийских снарядов...
...Слышали, что говорят
промеж собой оккупанты —
дескать, не пала Москва!
Им не хватило таланта
выиграть быстро... Едва
холодом зимним дохнуло —
фрицы убавили пыл...
А завьюжило, задуло —
раж, как «буржуйка» остыл...

Немцы устроили быстро
«новый порядок» вокруг.
Не подпускали на выстрел
к комендатуре... И, вдруг,
всех постреляли, зачем-то,
бедных дворовых собак...
Видно, спокойнее немцам
было без лая... За так
брали из хат, что хотели...
Как же? Хозяева, мля...
Спали на мягкой постели...

(Лучшей постелью земля
стала бы этим паскудам...
Но на штыки не попрёшь...)

...Жили под гнётом и спудом —
не убежишь, не соврёшь,
что заболел, и не можешь
выйти работать... Удел
был каторжанского строже:
если не вышел – расстрел!

Каждое утро, в семь тридцать,
(хоть на часы не смотри)
гнали всех вешкинцев фрицы
строем, в колонну по три,
строить склады для снарядов —
мёрзлую землю долбить,
и под накатом в три ряда
полок ряды городить.

Тех, кто устал или падал,
тяжестью сбитый бревна,
тут же на улицу, гады,
гнали... От крови стена
бурю стала за время
стройки проклятой... И как
вынести тяжкое бремя,
коли беснуется враг?

Ранней весенней порою
стали снаряды возить...
В каждой машине – с горою!
Вешкинцев гнали грузить,
и разгружать, и укладку
бережно очень вести...
...Видно фашистам не сладко
зимушку было снести,
что завезли под завязку,
чтобы с весны воевать...

...Только забыли про сказку —
смертушки не миновать
всем, кто нагрянул на нашу
землю с огнём и мечом...

...Русскому дьявол не страшен,
русскому чёрт нипочём...

Так шандарахнуло ночью!!!
Сразу не взяли и в толк...
На километр, воочию,
ринулся огненный столб
в небо безлунное... Крыши
в Вешках к чертякам снесло!!!
Яркие искры, всё выше!!!
К дальним лесам понесло
ветром огромное пламя —
грозный, бушующий вал...

...Словно советское знамя
сызнава кто-то поднял...

Люди шептались, не веря,
что партизаны пришли,
и что фашистского зверя
ранить так смело смогли...

5

Горе... Военное горе
Входит со стуком и без...

В Вешки нагрянула вскоре
зондеркоманда СС...

Вместе с фашистом явился
Харин (!!!)
Неужто живой?!
Как же он не удавился?!
Был же, паскудина, свой!!!

Глякося! Переродился
Харин... Хоть смейся, хоть плачь...
...Вот и фашистам сгодился,
проклятый в Вешках, палач...

Сбились на площади люди...
Воет от страха народ...
И, по указке «иуды»
их сортируют, как скот...

Харин в карательном списке
выбрал шестнадцать имён.
Все, как один – коммунисты.
Им приговор предрешён —
прямо у стенки церковной
их расстреляли враги...
Раненый Ванька Духовный
крикнул народу: «Беги!!!»

Бросились люди... Куда там?
Пуля найдёт всё равно.
Вопли и лай автоматов
в целое слились одно...

Снова согнали на площадь,
снова стеснили людей...
Харин взобрался на лошадь,
и заорал: «Всех детей,
всех, от шести и до... Это...
Всех, до шестнадцати лет,
вывести! И, к сельсовету!
Поняли все?! Или нет?!»

Что началось тут... Словами
не передать никогда...

И не узнать бы нам с вами,
если б людская молва
не сохранила б, до срока
эхо далёкой войны,
ныне живущим, уроком...
Самые страшные сны,
все, что вам снились когда-то,
с этим в сравненье не шли...

...В церковь согнали солдаты
вешкинцев. И подожгли...

6

Деток свезли эшелонам
на оружейный завод.

...Замерли Вешки... в них словно
больше никто не живёт...

Люди, сумевшие как-то
лютой судьбы избежать,
стали тихонечко в хаты
из лесу, в осень, съезжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.